

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

НОВАЯ РАБОТА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

(О книге Г. Ф. Дебеца «*Антропологические исследования в Камчатской области*», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XVII, Труды Северо-восточной экспедиции, I, М., 1951).

Содержание рецензируемого труда гораздо шире его заглавия. В этом можно убедиться уже из простого перечня групп современного населения Сибири и Дальнего Востока, обследованных Г. Ф. Дебецом и описанных в его книге (стр. 123). Среди таких групп, кроме эскимосов, чукчей, коряков, ительменов, русских старожилов Камчатки, ламутов и эвенков, мы встречаем аларских бурят и даже северных корейцев — всего 22 мужских и 16 женских групп, число исследованных в которых колеблется от 25 до 250 и часто достигает 50% и больше по отношению ко всему взрослому населению соответствующей популяции. Еще шире по территориальному охвату использованный автором краниологический материал, изученный им лично или другими советскими антропологами по той же методике. Здесь фигурируют серии черепов эскимосов, чукчей, тлинкитов, алеутов, юкагиров, нивхов (гиляков), айнов, ульчей, орочей, нанайцев (гольдов), негидальцев, эвенков (тунгусов), бурят монголов, калмыков, тувинцев, теленгетов, якутов, долган, селькупов, ненцев, хантов и манси (стр. 9). Как соматологические, так и краниологические материалы, исследованные одним и тем же лицом или, во всяком случае, представителями одной антропологической школы, полностью сравнимы между собой, что с самого начала устранивает всякие сомнения в объективности наблюдаемых межгрупповых различий, неизбежные при сопоставлении данных разных исследователей, собранных в разное время и при помощи различных методических приемов.

Таким образом, ясно, что сосредоточенные в книге Г. Ф. Дебеца фактические материалы по этнической антропологии Северной Азии (а частично и Америки) сами по себе представляют ценный вклад в советскую антропологическую науку, в значительной степени заполняющий то крупное «белое пятно», которое до самого последнего времени имелось на карте антропологического состава населения СССР и соседних стран. Однако Г. Ф. Дебеч в своем новом труде, как и в предыдущих его работах, не ограничился публикацией фактических материалов, но предпринял попытку поставить, а частично и разрешить целый ряд важнейших вопросов по этнической антропологии Северной Азии. На первом месте среди этих вопросов стоят, вне всякого сомнения, проблемы классификации и генеалогии монголоидных антропологических типов, входящих в состав изученных сибирских и дальневосточных народов. Названным проблемам и посвящена третья глава книги Г. Ф. Дебеца, занимающая в ней центральное положение и представляющая наибольший интерес для понимания процессов расообразования и этногенеза, протекавших на огромной территории от Тихого океана до Урала и от льдов Арктики до степей Центральной Азии со времени первоначального освоения людьми этой части земной поверхности вплоть до наших дней (стр. 63—118).

В первом параграфе разбираемой главы Г. Ф. Дебеч дает краткий обзор существующих взглядов на систематику азиатских монголоидов (стр. 63—65). Следующий параграф посвящен принципам классификации и выбору основных диагностических признаков для нее (стр. 65—69). Большой научный интерес представляет в этом параграфе попытка автора определить относительный возраст образования различных антропологических признаков путем изучения характера их современной географической дифференциации. Вполне законной является, по нашему мнению, мысль Г. Ф. Дебеца о том, что признаки, обнаруживающие более дисперсное территориальное распределение, сложились позднее, чем особенности с более компактным распределением вариаций. Применяя этот принцип к монголоидным типам Северной Азии, автор рецензируемой книги приходит к выводу, что для классификации этих типов наибольшее значение имеют такие признаки, как степень выпуклости носа, степень выраженности монголоидных особенностей глаза, вертикальная профилировка лица, ширина носа, пигментация глаз и волос, интенсивность роста бровей и в известной степени связанная с ней степень развития бороды (стр. 68—69).

Анализ географических вариаций перечисленных признаков у монголоидов Северной Азии приводит Г. Ф. Дебеца к выводу о существовании среди них четырех основных групп антропологических типов: арктической, байкальской, центрально-азиатской и уральской (параграф 3 главы III, стр. 70—71). Вывод этот действительно вытекает из изучения межгрупповой изменчивости важнейших диагностических признаков у народов, обследованных Г. Ф. Дебецом, и находится в то же время в соответствии с данными более ранних работ советских ученых по этнической антропологии Сибири, а также Волго-Камья, Приуралья, Средней Азии и Дальнего Востока. В пределах каждой из основных групп типов, выделенных Г. Ф. Дебецом, могут быть, естественно, намечены локальные варианты, описанию которых и посвящен конец параграфа 3 главы III рецензируемого труда. В составе арктической группы прослеживаются локальные типы — гренландский, берингоморский, алеутский, камчатский (оленный чукотский) и ительменский (стр. 73—77); в составе байкаль-

ской — собственно байкальский, катангский (западнотунгусский), амгунский (у негидальцев), и нанайский (стр. 78—79); в составе центральноазиатской — собственно центральноазиатский, несомненно нуждающийся в более детальном исследовании, и ангаро-ленский среди якутов и северных бурят (стр. 79—81). Локальные типы уральской группы Г. Ф. Дебецом подробно не рассматриваются, поскольку сама эта группа сосредотачивается среди народов Западной Сибири, географически удаленной от Камчатской области. Вполне справедливо, однако, замечание о том, что «кразнообразие локальных типов (уральской группы.— Н. Ч.) не может являться следствием одних только различий в удельном весе входящих в их состав обоих основных компонентов: европейского и монголоидного» (стр. 82).

В следующем (4-м) параграфе III главы Г. Ф. Дебец рассматривает проблемы генеалогических взаимоотношений соматических групп североазиатских монголоидов. Очень содержательны и интересны страницы, посвященные антропологическим особенностям неолитического населения Прибайкалья и вопросу о связи этого населения с современным. Большое значение для понимания процессов расообразования в Северной Азии имеет последний вывод автора о том, что «тип неолитического населения Прибайкалья представляет собой древнюю форму, но обнаруживаемую в современном населении. По отношению ко всем современным монголоидным типам населения Сибири (а не только к байкальскому) палеосибирский тип неолитического населения занимает, примерно, такое же положение, как кроманьольский или прото-европейский тип по отношению к современным типам европеоидной расы» (стр. 95). Вывод этот хорошо обоснован фактическим материалом, как содержащимся в самом труде Г. Ф. Дебеца, так и сосредоточенным в работах других советских, а частично и зарубежных антропологов. Заслуживает внимания также анализ Г. Ф. Дебецом вопроса о европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья. Переосмысливая свои собственные прежние взгляды по этому вопросу, автор рецензируемой книги оставляет его открытым, хотя и склоняется больше в сторону отрицательного решения. Важно отметить, что впервые в антропологической литературе указывается на возможность перенесения всей проблемы в эпоху, предшествующую неолиту (стр. 91).

Последний (5-й) параграф III главы книги Г. Ф. Дебеца посвящен «Этногенетическим проблемам на северо-востоке Азии в свете антропологических данных» (стр. 108—118). Очевидно, что для этнографов (а также для археологов и историков вообще) именно этот параграф представляет максимальный интерес во всем рецензируемом исследовании. В вопросе о древнейших путях расселения арктической группы антропологических типов Г. Ф. Дебец в основном соглашается с автором настоящей рецензии, справедливо отмечая, что «положение о тихоокеанском пути заселения северо-восточной Азии находится в соответствии с археологическими данными» (стр. 109). Убедительной критике в рассматриваемом параграфе подвергнута гипотеза «эскимосского клина» в населении берегов Берингова моря, якобы разрезавшего антропологически и этнографически близких между собой азиатских чукчей и коряков, с одной стороны, и американских индейцев, — с другой. «С антропологической точки зрения, — пишет Г. Ф. Дебец, — эскимосы не отделяют чукчей от индейцев, а занимают промежуточное положение между ними. Иными словами, эскимосы в данной области не образуют ясно выраженного «клина» между индейцами и чукчами» (стр. 110). Очень любопытны также соображения Г. Ф. Дебеца об истории разделения чукчей на оленных и береговых, основанные на сопоставлении тех и других по ряду антропологических признаков. Некоторые своеобразные особенности физического типа первых не могут быть, по видимому, объяснены смещением к ламутам, принадлежащими в массе к байкальскому типу, но должны рассматриваться в качестве варианта арктической группы, очень близкого к берингоморскому, но все же не идентичного с ним (стр. 113—114). Аналогичные различия между оленными и береговыми группами существуют и среди коряков (стр. 114—115).

Что касается ительменов, то их антропологический тип очень сильно изменен благодаря длительному смещению с русскими. Представляется, однако, вероятным, что в XVIII в., до начала этого смещения, ительмены по своему физическому облику стояли ближе к оленным, а не к береговым группам коряков и чукчей, и принадлежали в массе к тому же своеобразному «камчатскому» типу, что и последние. Поскольку же ительмены, как известно, не были знакомы с оленеводством, мы получаем еще один аргумент в пользу гипотезы о самостоятельном происхождении различий между берингоморским и камчатским типами, независимо от смещения последнего у чукчей и коряков с типами сибирской группы. Вывод этот весьма существенен и для понимания процессов этногенеза народов Камчатской области. «В поисках тех исторических причин, которые играли роль в дифференциации «камчатского» и берингоморского типа арктической группы, — замечает Г. Ф. Дебец, — мы должны, следовательно, сосредоточить внимание не на том времени и не на тех событиях, которые обусловили распространение оленеводства, а на дифференциации племен береговых охотников на морского зверя, с одной стороны, и племен внутриматериковых охотников на северного оленя, — с другой» (стр. 118). Текст рецензируемой книги заканчивается кратким заключением, в котором повторены в виде тезисов основные выводы исследователя (стр. 119—120). В приложениях к книге помещены таблицы соматических и краниологических материалов по народам Сибири,

таблицы краниологических материалов по народам Америки и зарубежной Азии и данные о происхождении исследованных серий черепов. Все таблицы составлены очень тщательно и сами по себе интересны для антропологов. То же можно сказать и о списке литературы на русском и иностранных языках в самом конце издания (стр. 259—262).

Таким образом, большая ценность нового труда Г. Ф. Дебеца для советской антропологии, для советской исторической науки в целом не вызывает сомнений. Отдавая, однако, должное достоинствам этого выдающегося труда, мы не можем пройти мимо его недостатков, мимо тех спорных, а подчас и сомнительных положений, которые в нем содержатся. Бросается, прежде всего, в глаза, что автор сознательно сосредотачивает свое основное внимание на специальных антропологических вопросах: на скрупулезном описании географических вариаций отдельных диагностических признаков, на выделении локальных типов и, наконец, на их генеалогических взаимоотношениях. Все это необходимо и само по себе не может вызвать никаких возражений. Слишком часто, однако, автор как бы ограничивает сам себя, останавливается на полпути, подробно излагает весь ход антропологического анализа, но слишком уж скупо, кратко останавливается на исторических, в частности этногенетических, проблемах, которые могут быть в какой-то степени освещены при помощи итогов этого анализа. Так, например, в разделе под многообещающим названием «Антропологические типы Сибири и Америки» (стр. 97—107) много места уделено сравнению различных краниологических серий азиатского и американского континентов, но почти совсем не затрагивается такая важная общесторонняя проблема, как проблема заселения Америки, имеющая, очевидно, прямое отношение к вопросам, рассматриваемым в книге Г. Ф. Дебеца. Так и ждешь, читая книгу, когда же, наконец, автор подойдет к этой проблеме, когда же он даст критику различных спекулятивных «теорий» буржуазной антропологии, с ней связанных, когда же осветит вопрос с методологических позиций передовой советской науки! К сожалению, ожидания остаются тщетными, хотя все возможности оправдать их у автора были.

Известная неудовлетворенность остается также при чтении страниц, посвященных разбору упомянутого уже выше вопроса о европеоидной примеси у неолитического населения Сибири. Вопрос этот сложен, и требовать полного его разрешения у автора, мы, конечно, не вправе. Но о широком распространении европеоидов на востоке Азии было так много написано лжеучеными-расистами, что от советского антрополога, вновь разбирающего указанную проблему, следовало ожидать разоблачения расистских домыслов, наглядного показа их полной научной несостоятельности в свете фактических антропологических данных. Г. Ф. Дебец не счел нужным это сделать, хотя и здесь (как и в предыдущем случае) имел к тому все возможности. Материалы, сосредоточенные в рецензируемой книге, очень ясно показывают, что за вычетом поздней русской примеси среди народов Восточной Сибири ни в прошлом, ни в настоящем не наблюдается никаких признаков присутствия каких-либо европеоидных расовых компонентов, тем более их проникновения широкой волной с запада на восток вплоть до берегов Тихого океана (как это пытаются «доказать» многие расисты вроде Лежандра, Гюнтера или Эйкштеда). Необоснованной с фактической стороны представляется и гипотеза о европеоидности айнов, имеющая очень широкое хождение в зарубежной антропологической литературе. Думаем, что на всех этих вопросах Г. Ф. Дебцу следовало бы остановиться подробно, а не игнорировать их или ограничиваться лишь беглыми замечаниями (см., например, такое замечание об айнах на стр. 71).

Еще большее недоумение (если не сказать — досаду) вызывает игнорирование Г. Ф. Дебцом вопроса о соотношении в Северной Азии антропологических и этнических группировок населения. Хорошо известно, что отождествление тех и других под каким-либо «соусом» представляет собой красугольный камень почти всех расистских домыслов. В то же время полное отрицание какой-либо связи между антропологическими и этническими подразделениями человечества в настоящем и прошлом нередко бывало источником вульгаризаторских ошибок в вопросах расо- и этногенеза, связанных с влиянием на советских антропологов порочного «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра и его последователей. От ошибок этого рода не был свободен в своих прежних работах (включительно до сводного труда «Палеантропология СССР», вышедшего в 1948 г.) и Г. Ф. Дебец. Надо было бы, казалось, в новой книге, вышедшей после появления гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания, дать критический разбор взглядов советских антропологов на поставленную проблему и наметить пути ее разрешения на основе конкретных материалов, относящихся к народам Камчатской области и других частей Сибири и Дальнего Востока. В параграфе, посвященном принципам классификации антропологических типов и выбору признаков для анализа (стр. 65—69), автор как будто намеревался вступить на этот путь, касаясь вопроса о значении данных антропологии для проблем этногенеза, в частности, для вопроса о миграциях, но опять-таки не доводит дела до конца, ограничиваясь несколькими «безобидными» замечаниями по поводу ранних работ А. И. Ярхо (стр. 66).

Хотелось бы возразить автору рецензируемой книги и по некоторым специальным антропологическим вопросам. Невозможно, например, согласиться с категорическим заявлением Г. Ф. Дебеца о малой продуктивности для разработки вопросов этногенеза данных о локальных антропологических типах и их группах, составляю-

щих подразделения больших рас (стр. 66). Чтобы опровергнуть это заявление, достаточно вспомнить о работах Г. А. Трофимовой по этногенезу восточных и западных славян или об исследованиях М. Г. Левина по этнической антропологии Дальнего Востока, в которых очень ценные выводы относительно происхождения народов обосновываются в значительной степени на базе выделения локальных антропологических типов. Мало убедительным представляется также рассуждение Г. Ф. Дебеца о необходимости исключить из основных классификационных признаков монголоидной большой расы высотный диаметр черепной коробки (стр. 72). Возражая против использования этого признака при дифференциальной диагностике континентальных и тихоокеанских монголоидов, Г. Ф. Дебец пишет: «Малые размеры этого диаметра действительно весьма распространены на севере, но отдельные локальные формы имеют сравнительно высокий череп, точно так же как низкий череп иногда встречается среди локальных форм тихоокеанских монголоидов, например, у тибетцев» (там же). Все это так, но ведь никто же не станет отрицать диагностического значения цвета кожи для выделения негро-австроидов на том основании, что у бушменов и готтентотов, например, кожа относительно светлая!

Крайне неудачен приведенный Г. Ф. Дебецом пример с понижением высотного диаметра у тибетцев (речь идет, очевидно, о восточных тибетцах провинции Кам). Высота черепа у них действительно несколько ниже, чем у большинства тихоокеанских монголоидов. Но ведь и по другим признакам — размерам горизонтальных диаметров черепа, его общей массивности и т. п. — тибетцы эти обнаруживают сходство с континентальными монголоидами, являясь как бы связующим звеном между двумя основными ветвями монголоидной большой расы: южной (тихоокеанской) и северной (континентальной). Таким образом, пример с тибетцами Кама отнюдь не опровергает, а скорее, напротив, подтверждает ценность высотного диаметра в качестве одного из важных признаков разграничения главнейших подразделений монголоидов. Незаконмерно, по нашему мнению, отделяется Г. Ф. Дебец и от таких случаев, выпадающих из его схемы, как явная низкоголовность алеутов (стр. 73—75) или относительная высокоголовность отдельных групп бурят и якутов (стр. 79—81). Отличия в высотном диаметре (как и в некоторых других признаках) от соседних краниологических серий здесь просто объясняются результатом внутренней дифференциации тихоокеанских или континентальных монголоидов, действием среди них изоляции. Роль смешения с иными группами антропологических типов огульно отрицается. Между тем исторически вполне возможно как проникновение северных низкоголовых монголоидов на Алеутские острова, так и наличие в составе бурят и якутов относительно высокоголовых компонентов тихоокеанского тяготения. Нежелание считаться с реальными данными о географическом распределении вариантов высотного диаметра черепа на севере Азии является также одной из причин того, что Г. Ф. Дебец считает возможным палеосибирский тип неолитического населения Сибири рассматривать в качестве исходного для образования всех современных монголоидных типов этой области, в том числе и типов арктической группы (стр. 95). Вывод этот, однако, противоречит здравому смыслу, так как невозможно допустить, что низкоголовые «палеосибирцы» были непосредственными предками крайне высокоголовых представителей арктической группы монголоидов.

Причиной перечисленных ошибок Г. Ф. Дебеца в значительной степени является его пристрастие к анализу цифровых данных без достаточного учета реальных антропологических особенностей тех этнических групп населения, о которых идет речь. Формально логические рассуждения подчас отгесняют на второй план действительные взаимоотношения между народами, которые далеко не всегда поддаются числовому выражению даже в рамках чисто антропологических вопросов. Переоценка цифровых выкладок еще подчеркивается тем, что в книге полностью отсутствуют какие-либо иллюстрации, кроме нескольких схем соотношения средних величин исследованных групп (стр. 70—72, 102—107). Если отсутствие фотографий живых людей, обследованных автором в Камчатской области, еще может быть в какой-то мере объяснено (но не оправдано!) трудностью фотосъемки в условиях Крайнего Севера, то отсутствие изображений черепов, изученных большей частью в Москве или Ленинграде, не поддается и такому объяснению. Как с точки зрения специалиста-антрополога, так и с точки зрения советского читателя — историка вообще (а на него и должна быть рассчитана рецензируемая книга), отсутствие иллюстраций в исследовании Г. Ф. Дебеца представляется очень серьезным недостатком. Надо надеяться, что в дальнейших выпусках Трудов Северо-восточной экспедиции недостаток этот (как и другие отмеченные выше) будет устранен.

Н. Н. Чебоксаров

НАРОДЫ СССР

Исторические песни. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л. Шентаева. «Советский писатель», Л., 1951. («Библиотека поэта». Малая серия, второе издание).

Во втором издании малой серии «Библиотеки поэта», основанной М. Горьким, вышел ряд сборников, посвященных отдельным жанрам русской народной поэзии